

А.В. Гущин, И.Е. Ханова

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПРИЧИНЫ, ПРОЦЕСС И ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена проблемам современного развития постсоветского пространства, основным тенденциям и процессам в международных отношениях, социальной жизни, интеграции стран региона. Авторы анализируют обоснованность употребления самого термина «постсоветское пространство» и высказывают мнение о том, что это пространство распадающееся. Сегодня, по мнению авторов, уже невозможно говорить о нем как о едином. С их точки зрения, процессы евразийской интеграции только частично могут преодолеть тенденции фрагментации региона, которые при активном участии внешних акторов будут усиливаться.

Ключевые слова: постсоветское пространство; Россия; Центральная Азия; евразийская интеграция; регион.

Гущин Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва. E-mail: aguschin78@mail.ru

Ханова Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва. E-mail: irkh_76@mail.ru

A.V. Gushchin, I.E. Khanova. Post-Soviet Space: Causes, Processes and Transitional Results of Transformation

Abstract. The article is devoted to the problems of the modern development of the post-soviet space, the main trends and processes in international relations, social life, and the integration of the countries of the region. The authors analyze the validity of the use of the term «post-Soviet space» and express the opinion that this space is decaying. Today, according to the authors, it is no longer possible to define it as single space. From their point of view, the processes of Eurasian integration can only partially overcome the tendencies of fragmentation of the region, with the great role of the external actors.

Keywords: post-soviet space; Russia; Central Asia; eurasian integration; region.

Gushchin Alexander Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Russian State University for the Humanities,
Moscow. E-mail: aguschin78@mail.ru.

Khanova Irina Evgenievna – Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Russian State University for the Humanities,
Moscow. E-mail: irkh_76@mail.ru

Вот уже более 25 лет прошло с момента распада второй по мощи державы мира, занимавшей пространство, которое сегодня мы зачастую называем постсоветским. Четверть века – довольно большой срок, особенно по меркам современности. Если посмотреть на постсоветское пространство сегодня и сравнить с тем, что мы могли наблюдать в начале 1990-х годов, то четко будут видны огромные изменения, произошедшие на нем в международном, внутривнутриполитическом и социокультурном измерениях.

Сегодня возникает вполне обоснованный вопрос о том, уместно ли вообще употребление термина «постсоветское пространство» в современных условиях и соответствует ли он международным реалиям в конце второго десятилетия XXI в.

Казалось бы, от определения мало что зависит, да и сама оценка постсоветского пространства в целом несколько абстрактна в силу его величины и множественности процессов в его пределах. Но это только на первый взгляд. Ведь обоснованность или необоснованность употребления термина в известной мере является отражением того, правомерно ли воспринимать огромный регион как нечто общее, сохраняются ли серьезные социокультурные связи между народами и странами, в какой степени реализуется на практике политическое союзничество и экономическая интеграция в форматах, охватывающих большинство стран региона.

Понятие «постсоветское пространство» возникло практически сразу вслед за распадом СССР. Принято считать, что в оборот оно было введено литовским политологом и ориенталистом Альгимантасом Празиускасом в статье «СНГ как постколониальное пространство», опубликованной в Независимой газете в 1992 г. И оно действительно на тот момент было довольно удачным [9].

Во-первых, его использование четко фиксировало тот факт, что страны региона не просто относились к постсоветской географической или исторической общности, но и в своих внутривнутриполитических и социальных практиках использовали очень много из общего прошлого. Во-вторых, употребление термина «постсоветское пространство» постепенно, хотя надо признать и не так быстро, позволило уйти от употребления термина «новые независимые государства», которые по прошествии ряда лет, по мере укрепления своей государственности перестали быть «новыми». Но главным образом понятие

«постсоветское пространство» более соответствовало реальности, чем употребляемый в России и по сей день термин «ближнее зарубежье» или «страны ближнего зарубежья». Термин «страны ближнего зарубежья» россиецентричен, а также, по сути, географически неверен, так как такие страны, как Туркменистан или Таджикистан, отделенные от России еще одной-двумя странами сложно назвать ближними, а, например, Польшу, граничащую с Россией, или Норвегию – странами дальнего зарубежья.

Поэтому на момент 90-х годов употребление термина «постсоветское пространство» можно считать вполне соответствующим той картине, которая сложилась после распада СССР, когда тенденции к осуществлению «цивилизованного развода» доминировали и СНГ как организация, включающая большинство стран, бывших в недавнем прошлом республиками СССР, было, во многом единственным полномасштабным форматом регионального взаимодействия.

Но есть ли постсоветское пространство сегодня и обоснованно ли употребление этого термина на исходе второго десятилетия XXI в.? На этот вопрос сложно дать однозначный ответ, но можно выделить несколько факторов, говорящих как в пользу, так и против того, что регион представляет собой единую общность. Однако по прошествии вот уже почти трех десятилетий с распада СССР допустимо констатировать, что постсоветское пространство сегодня находится на стадии глубокого распада и если и существует, то скорее как термин для удобства обозначения, и все менее востребовано.

Конечно, можно привести много аргументов в пользу того, что во всех странах еще много постсоветского и даже советского, вне зависимости от того, какая политическая система действует в той или иной стране. Это постсоветское оказалось гораздо более живучим, чем могло показаться в момент крушения СССР, когда многие, особенно западные эксперты, считали, что демократический транзит и триумфальное шествие либерального миропорядка на пространствах Евразии будет обеспечено.

Но ситуация оказалась гораздо сложнее. Традиционные социальные практики и тенденции, которые существовали ранее, были воспроизведены в новых формах на новом этапе развития. Элиты вновь образованных государств, формально выполняя те или иные демократические формы и процедуры, построили различные системы, от откровенно авторитарных до олигархических, которые в реальности мало сочетаются с прописанными на бумаге нормами. Оказалось, что новая институциональность – закрепление различных форм взаимодействия с такими структурами, как ЕС и НАТО, вовсе не приводят к быстрому торжеству демократического транзита, а страны, декларативно исповедующие новые ценности, не демонстрируют примеры формирования транспарентных политических систем. С другой стороны, страны, в которых демократические тенденции вовсе не доминируют, такие

как, например, Азербайджан, Узбекистан или особенно Туркменистан, довольно продуктивно взаимодействуют с Западом.

Еще один важный индикатор того, что советское наследие присутствует и еще очень сильно – это национально-территориальные конфликты. С возникновением и существованием этих конфликтов тесно связан феномен развития де-факто государственности на постсоветском пространстве. В этом контексте следует учитывать, что главными субъектами СССР выступали не граждане, а социалистические нации, именно этнические группы определялись в качестве субъекта политики и государственного права. На практике это означало формирование представлений о коллективном праве того или иного этноса на территорию, обозначенную как национальная республика или автономия [7].

Несмотря на относительно успешное построение новой общности в виде советского народа и официальное декларирование снятия национальной проблемы в СССР с повестки дня, по сути, и грузино-абхазский, и азербайджано-армянский, и грузино-осетинский конфликты находились в спящем состоянии в советское время, периодически вспыхивая в виде сходов, протестов, порой кровавых, против тех или иных судебных решений, в виде петиций в центр и т.д. Это спящее состояние довольно быстро перешло в активную фазу с ростом национализма в союзных республиках в годы перестройки, когда быстро обнаружилось, что национальная интеллигенция и ее лидеры, например в той же Грузии или Молдове, вовсе не желают считаться с требованиями части своего населения, не желающей выступать инициатором сепаратизма и ориентирующейся на Москву.

Хотя Беловежские соглашения и предусматривали признание территориального статус-кво, в реальности этого признания так и не наступило [1]. Образование независимых государств сопровождалось острыми территориальными конфликтами, поиском новых механизмов обеспечения региональной безопасности и форматов международного сотрудничества. При этом было бы вовсе неверным сводить образование де-факто государств и просто конфликтных зон сугубо к желанию России обеспечить себе геополитическое влияние на постсоветском пространстве еще в 90-е годы. Действительно, этот фактор во многом важен, например, то же Приднестровье вполне обоснованно считается уже долгие годы геополитическим активом Москвы, однако, во всех случаях существовали объективные причины конфликтности, приведшей к вооруженному противостоянию и образованию де-факто государственности. И сегодня именно обращение к советскому прошлому, стремление к новой оценке правомерности тех или иных решений, принятых именно в советском прошлом, является одной из важных причин серьезных политических и вооруженных конфликтов. Это дает нам довольно четкий сигнал о том, что процесс распада СССР носил вовсе не одномоментный характер

и более того, происходил не только до 8 декабря 1991 г., но и после. Отдельные его проявления мы видим и сегодня в виде территориальных споров и межэтнических противоречий.

Постсоветскость пространства бывшего СССР во многом определяется Россией, которая остается доминирующим актором в регионе. Под ее влиянием зачастую рассматривается постсоветская интеграция. Кроме того, Россия является важнейшим реципиентом мигрантов из сопредельных государств, особенно из таких стран, как Узбекистан, Кыргызстан, Армения, Молдова. Многие российские города и районы России стали местом проживания мигрантов. Относительно поддерживается значение русского языка как языка межнационального общения, а также сохраняется в известной мере общая историческая память, которая определяет схожесть переживаний о прошлом и образов прошлого, особенно у старших поколений.

Все это говорит о том, что общее в том или ином виде присутствует в жизни пространства, которое мы называем постсоветским. Можно также констатировать и наличие некоторых новых черт, которые считаются индикаторами сохранения прежде всего социокультурных связей. Однако позволяет ли сохранение этих черт говорить о единстве пространства? На наш взгляд, нет, говорить о таком единстве было бы большим преувеличением, ввиду того что целый комплекс факторов, свидетельствующий о распаде постсоветского мира, представляется заметно более весомым.

Конечно, Россия является скрепляющим звеном, цементирующим фактором для постсоветских стран, но между народами, населяющими сами постсоветские страны, связи довольно слабые, а в некоторых случаях, таких как Армения и Азербайджан, Туркменистан, можно говорить либо о враждебных отношениях, либо об изоляционизме, поддерживаемом властями страны.

За последние почти три десятилетия выросло и приступило к активной трудовой деятельности поколение людей, рожденных не в СССР. Вместе с теми, кто родился в СССР, но всю сознательную часть жизни провел в независимых государствах, они составляют большую часть населения. Связи между людьми в соседних странах при этом незначительны. Напротив, большая часть их активности проходит либо в своих странах, в контактах с согражданами зачастую из одного региона или города, либо в случае социального успеха в контактах с партнерами на Западе, в Китае и т.д. При этом большое число мигрантов в России, как правило, не способствует сближению межгосударственных отношений и тем более не усиливает пророссийские элиты на родине мигрантов.

Серьезный удар по постсоветскому единству в гуманитарном плане нанесло сокращение употребления русского языка как в силу отъезда русских, так и по причине политики новых национальных элит, которые особенно в первые годы независимости выстраивали политику государств на отталки-

вании от «бывшей метрополии» и создании собственного исторического нарратива. Общее прошлое вовсе не только соединяет, но и разъединяет.

Если же говорить об ориентации людей в области образования и достижения социального успеха через образование, то не секрет, что образовательные и научные связи между постсоветскими странами оставляют желать лучшего, а трамплином для достижения социального успеха является зачастую западная образовательная модель, западные вузы и образовательные программы. Иногда же тренд получения российского образования вызывает вопросы. В случае Казахстана, например, при довольно большом потоке абитуриентов в Россию есть опасения оттока кадров [11].

Внешняя политика постсоветских стран развивалась по двум моделям – модели многовекторности в ее разных национальных интерпретациях от Беларуси до Азербайджана и модели одностороннего ориентирования, как правило, через разрыв с прошлым в виде «цветных революций», на Запад. И в том и в другом случае роль России уравнивалась или полностью нивелировалась посредством влияния внешних акторов, которые оказывали либо балансирующее действие, либо практически полностью замещали российское влияние.

Серьезным дезинтегрирующим фактором стали также конфликты на постсоветском пространстве, которые хотя и имеют общие «советские» причины, но все же заметно усилили напряженность на пространстве бывшего СССР и определили векторы распада. Россия при этом не проводила одинаковую политику в отношении тех же де-факто государств, как это можно зачастую услышать от представителей экспертного сообщества Запада или от российских экспертов либерального направления. Напротив, был задействован дифференцированный подход к признанию государственности. В одних случаях были приняты необратимые решения, как в случаях с Абхазией и Южной Осетией, в других Россия не шла на признание, а на определенных этапах даже предлагала реинтеграционные планы, план Козака по Приднестровью и Молдове в 2003 г.

Тем не менее политика признания де-факто государств и их поддержки Россией, очевидно, беспокоит национальные элиты постсоветских государств, вызывает опасения возможного ревизионизма со стороны Москвы. Это, конечно, оказывает негативное влияние и препятствует политической интеграции, созданию отдельных наднациональных структур в процессе евразийской интеграции.

Большое значение в анализе роли и содержания понятия «постсоветское пространство» имеет институциональный подход. В этом контексте возникает вопрос, способны ли интеграционные процессы и институты на территории бывшего СССР скрепить это пространство воедино? Если сравнивать постсоветскую ситуацию с положением в Европе, то, по меткому замечанию А. Ис-

кандаряна, между странами Европы общность и сходство вызревали в рамках длительного процесса, который только был подкреплен институционализацией ЕС, а постсоветские государства сегодня вряд ли связаны друг с другом настолько, чтобы обеспечить быстрое развитие институтов [5].

Следует отметить, что с первой половины 2000-х годов действительно интеграционные инициативы стали набирать силу и выразились в создании Евразийского экономического союза, наиболее глубокого формата интеграции. Однако ЕАЭС и другие союзы затрагивают только некоторые страны того пространства, которое мы называем постсоветским. Несмотря на отдельные успехи в создании и развитии этого союза, выразившиеся, в частности, в недавнем принятии Таможенного кодекса, в ЕАЭС до сих пор не преодолены такие проблемы, как внутригосударственный лоббизм, протекционизм и невозможность полноценного выхода на рынки России продукции ее партнеров. Наконец, нет никаких индикаторов того, что партнеры России хотят в какой-то степени активизировать процесс политической интеграции. Более того, многие эксперты считают, что именно излишняя политизация ЕАЭС является минусом, когда страны-партнеры, прежде всего Казахстан и Беларусь, озабочены скорее сохранением суверенитета, чем делегированием полномочий в наднациональные структуры, которые в виде ЕЭК пока довольно слабые в институциональном плане и не идут ни в какое сравнение с структурами ЕС. Кроме того, предполагается, что ЕАЭС, развиваясь экономически, постепенно обретет и политические, и социокультурные формы. Однако сегодня ни о какой евразийской идентичности, хоть сколько-нибудь сходной с европейской, речи не идет, и создание ее остается не более чем проектом. Зачастую интеграция воспринимается новыми поколениями в штыки, ассоциируясь с советским прошлым, в отличие от интеграции с ЕС [8, с. 28].

СНГ, несмотря на то что организация охватывает 11 стран (если принимать в расчет страны с ограниченным членством, как Украина и Туркменистан), сыграв свою роль для «цивилизованного развода» в 90-е годы, сегодня скорее является переговорной площадкой для двусторонних и многосторонних переговоров в рамках саммитов [10].

Еще одна форма интеграции – Организация договора коллективной безопасности (ОДКБ), посредством которой обеспечивается в значительной мере влияние России в Центральной Азии и зонтик безопасности, который Россия раскрывает над этим регионом. Но при всех позитивных моментах развития ОДКБ ситуация вокруг армяно-азербайджанских противоречий показывает, что в ее рамках есть трудности с принятием коллективных решений. Организация сегодня оформляет три зоны военного присутствия России – на Южном Кавказе, точнее, в Армении, на западном фланге – в Беларуси и на юго-восточном фланге – в Центральной Азии. По сути дела, у той же Беларуси

в рамках ОДКБ мало функций применительно к юго-восточному флангу, а на Южном Кавказе для Минска Азербайджан как альтернативный поставщик нефти гораздо важнее, особенно в контексте споров с Москвой.

Таким образом, притом что невозможно не признать важность реинтеграционного тренда, выражающегося в создании нескольких союзных структур, можно отметить, что интеграция охватывает только отдельные сегменты пространства бывшего СССР. Принятие новых членов в ЕАЭС под большим вопросом, да и возникает вопрос, необходимо ли оно и не лучше ли отладить формы и инструментарий взаимодействия в существующем составе?

Еще одним важным элементом, препятствующим созданию единого пространства, является продолжение и усиление активности внешних игроков. Роль Запада в украинском кризисе, при всей важности внутриукраинских причин в событиях в 2013–2014 гг., невозможно недооценивать, а между тем выход Украины, по крайней мере институционально и политически из постсоветского состояния, отказ от интеграции с Таможенным союзом нанесли очень серьезный удар по интеграционным инициативам России, серьезно ослабили ЕАЭС, ведь ЕАЭС с Украиной и без – это два принципиально разных интеграционных союза. Влияние политики Запада с целью «мягкой трансформации» Беларуси также становится отчетливым трендом. Что же касается Центральной Азии и Кавказа, то Китай в Центральной Азии, Турция и ЕС на Южном Кавказе в значительной степени уже сейчас серьезным образом влияют на внешнеполитические векторы стран этих регионов. Если напрямую китайское экономическое влияние не угрожает российскому, то в долгосрочной перспективе, несмотря на все позитивные планы по сопряжению, оно все равно будет доминировать и уже сейчас позволяет некоторым экспертам говорить о том, что влияние России южнее Ферганской долины, прежде всего в Таджикистане, заметно уступает китайскому [4].

То, что мы называем постсоветским пространством, конструируется в соответствии с теми или иными концепциями или идеологией той или иной страны – проект Большого Турана, иранские проекты форматирования Центральной Азии, проект Балто-Черноморского региона и Междуморья. Однако как бы ни конструировалось это пространство с точки зрения Москвы или внешних акторов, можно выделить три субрегиона – Центральную Азию, Южный Кавказ и Восточно-Европейский регион. Однако ни один из них, по сути, не является единым. Все они в разной степени разрознены.

Если говорить о Центральной Азии, то это наиболее цельная общность стран. Но, по сути, регионального единства в Центральной Азии не сложилось. Свидетельство этому – противоречия между странами в области спорных территорий, гидроэнергетики, неучастие ряда стран в интеграционных проектах, таких как ЕАЭС, отсутствие внутрорегиональной интеграционной группировки и неудача попыток ее создания, разница политико-

экономических систем стран региона и потенциалов этих государств. В последнее время есть основания говорить о новых импульсах развития внутрирегиональной интеграции, связанных с переходом Узбекистана к новой многовекторности, политике открытости, экспорториентированной экономики. Скорее всего, это приведет просто к усилению роли Узбекистана, но не к полноценной внутрирегиональной интеграции, которая во многом невыгодна и внешним игрокам, выступающим с различными проектами, такими как ТАПИ, CASA 1000, и другими, пока далекими от своего практического воплощения. В регионе актуальным остается вопрос способности к активизации внутрирегиональной повестки, ключевыми вопросами которой стали бы смягчение визовой политики, урегулирование пограничных вопросов, расширение взаимной торговли. Однако пока ответы на эти вопросы скорее будут точечными и тактическими. Говорить о создании общей региональной идентичности слишком рано. При этом риски межгосударственных конфликтов хотя и минимизировались за последние годы, но все же сохраняются. Вполне вероятно дальнейшее продолжение активной политики Узбекистана, направленной на развитие партнерства как внутри региона, так и вне его. Однако Ташкент будет сталкиваться при этом как с внутренними рисками, так и с внешними ограничителями, далеко не все трансграничные проекты выгодны ряду внутрирегиональных игроков.

Практически все страны региона стоят перед серьезными внутренними вызовами. Для Казахстана – это предстоящий транзит власти, рост националистических настроений, экономические проблемы и вопросы диверсификации экономики. Для Таджикистана – активизация религиозного экстремизма, проблема которого вовсе не решена запретом Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), а также рост оппозиционных настроений внутри таджикского общества. Для Кыргызстана – проблемы коррупции, неэффективности власти, необходимость новой инфраструктурной политики и новые риски, связанные с формированием новой клановой системы. Для Туркменистана – перманентный социально-экономический кризис, изоляционизм, газовая зависимость от одного импортера и отсутствие возможностей для практической реализации в обозримой перспективе альтернативных энергетических проектов. Для Узбекистана – риски слишком быстрых реформ, угроза внутренней стабильности, проблемы, связанные с территориальной клановостью, труднореализуемый характер ряда громких внешнеполитических и внешнеэкономических инициатив [4].

Что касается двух других регионов, то они выделяются во многом благодаря географическому принципу, можно говорить скорее о негативной или позитивной сумме двусторонних отношений, но никак не о региональной интеграции.

В Армении новые власти декларируют сохранение стратегического курса на союз с Россией. Однако только время может показать, насколько реальны эти декларации. Во многом эта стабильность курса обеспечивается наличием неурегулированного конфликта с Азербайджаном и сложной социально-экономической ситуацией, оставшейся в наследство от прежних властей. Несмотря на определенное воодушевление общества, видно, что далеко не все оно сплотилось вокруг новых властей, и это показала относительно низкая явка на последних выборах. Непонятна экономическая программа нового руководства, получившего аванс на ближайшее время, который будет очень рискованным с точки зрения сохранения высокого уровня поддержки. В этих условиях возможный кризис доверия к Н. Пашиняну породит новую волну политической нестабильности в стране. При этом на линии соприкосновения в среднесрочной перспективе угроза возобновления боевых действий будет сохраняться [3].

Что касается Грузии, то внутривнутриполитический кризис здесь будет только усугубляться. Однако Грузия будет продолжать сохранять лояльность идеям европейской и евроатлантической интеграции, поддерживать имидж страны – лидера программы «Восточное партнерство», а также статус ключевого стратегического партнера НАТО на Южном Кавказе.

В Азербайджане в ближайшие пять лет можно также ожидать угроз внутренней стабильности, прежде всего из-за роста цен, отсутствия рабочих мест, коррупции. Эта ситуация может обостриться в случае падения цен на энергоносители. Баку будет продолжать многовекторную политику, не связывая себя интеграционными союзами. При этом если проект Южного газового коридора имеет высокие шансы на выполнение, то вероятность создания Транскаспийского газопровода из Туркменистана пока откладывается на отдаленную перспективу и остается призрачной.

В обозримой перспективе динамичной будет ситуация в Восточно-Европейском регионе. Внутривнутриполитические процессы и борьба за влияние будут обуславливать особую важность региона в международной повестке. Конфликтность в аспекте, связанном с функционированием де-факто государств, будет, особенно в случае Украины, оставаться достаточно высокой. Внутривнутриполитическая жизнь, прежде всего в Украине и Молдове, обещает быть бурной и чреватой риском эскалации гражданского противостояния или же применения, особенно в украинском случае, силовых мер со стороны властей. В Молдове для Партии социалистов Республики Молдова (ПСРМ) и президента 2019 год будет решающим с точки зрения их политического будущего. Для достижения успеха социалисты нуждаются не только во внешней помощи, но и в серьезном реформировании и усилении своей кадровой структуры, отказе от ряда одиозных фигур, общей активизации, что в условиях существующей системы сделать очень сложно. В целом же можно

констатировать, что вероятность дробления парламента и создания ситуативных коалиций очень велика, как вероятны и новые парламентские кризисы с перспективой еще одних выборов.

Украинская повестка, по крайней мере до выборов президента страны, вновь выходит на первый план, и в ближайшие месяцы очень сложное электоральное положение действующей власти диктует необходимость виртуальной и реальной эскалации отношений с Россией. Однако даже в случае смены власти может измениться нюансировка политики Киева, но стратегический антироссийский курс и зависимость от США в принятии внешнеполитических решений сохранится. Украинский кризис надолго провел новые линии противостояния в Восточной Европе, что вместе с деградацией системы ограничения вооружений (прежде всего договоры о ПРО и РСМД) серьезно эскалирует напряжение на западных рубежах России.

Беларусь, оставаясь островком стабильности, тем не менее подвержена риску усиления западного влияния с целью мягкой трансформации и отрыва страны от России. Кроме того, в рамках российско-белорусских отношений и интеграции двух стран накопился ряд проблем, которые начинают оказывать негативное влияние и требуют скорейшего решения. В этом контексте многое будет зависеть от международной обстановки в целом. В случае ее ухудшения необходимость еще большей интеграции вооруженных сил, размещения дополнительных систем на территории Беларуси, вероятно, и актуализация вопроса о размещении военной базы России вновь выйдут на повестку дня и будут инициироваться Москвой, что сузит возможности маневра для Минска, который не сможет активно разыгрывать миротворческую карту. Тем не менее при всей важности военно-стратегических вопросов важным аспектом отношений станет проблема модернизации союзного государства. В противном случае инерционные тренды возьмут верх, пока же в условиях споров о налоговом маневре России перспективы дальнейшего развития проекта становятся еще более туманными [2].

На исходе второго десятилетия XXI в. постсоветское пространство является пространством распадающимся. При этом можно сказать, что происходит как распад некоторых постсоветских структур, так и процесс распада СССР во многих аспектах еще незакончен. В общественно-политической жизни ряда государств сохранилось многое из наследия прошлого, которое сказывается и сегодня, однако это не говорит о том, что эти страны образуют некогда единое пространство в новом формате. Дезинтеграционные тенденции, особенно если смотреть в целом на пространство бывшего СССР, доминируют, несмотря на отдельные успехи интеграции. Постсоветскость и реинтеграция связаны прежде всего с Россией, которая в значительной степени является главным оператором и вдохновителем реинтеграционного процесса.

На современном этапе можно говорить скорее не о существовании постсоветского пространства, а о существовании трех субрегионов: Центральной Азии, Южного Кавказа и Восточно-Европейского, которые, однако, мало связаны между собой, да и внутренне не представляют регионального единства. Логистические проекты, в частности Китая, могут содействовать укреплению единства между ними, но это уже будет не постсоветский проект и роль России в этом процессе по-прежнему неопределенная. Тем не менее сам факт существования и определенные тактические успехи евразийской интеграции показывают, что есть объективные предпосылки для ее проведения и развития, которые сегодня зависят скорее от укрепления интеграции, развития технологической и промышленной базы членов ЕАЭС и их сопряжения, нежели от вхождения новых членов.

Важность для России государств, которые мы условно относим к постсоветским, сохранится и это зафиксировано в концепции внешней политики РФ [5]. Однако подход к этим государствам будет дифференцированным. Двусторонние форматы взаимодействия есть и будут в обозримой перспективе наиболее действенными. При этом влияние региональных держав, Китая, ЕС, будет возрастать, что делает вероятным продолжение конкуренции с очень вероятным блокированием субъектности многих соседей России. Это требует от России помимо военно-политического усиления активизации собственного экономического роста, новых подходов к геоэкономическому развитию страны, более современному, а не архаичному восприятию многих стран бывшего постсоветского пространства. Нехватка в России моделей развития, способных конкурировать с предлагаемыми внешними акторами, пока не позволяет реинтеграционному тренду стать доминирующим. Однако объективные условия все больше актуализируют задачи выработки позитивного образа будущего, обеспечения более интенсивного и качественного внутреннего роста как важнейшего фактора внешнеполитического успеха, стратегического подхода к обозначению своих конкурентных преимуществ в рамках интеграции в Малой и Большой Евразии как общего блага во имя соразвития.

Библиография

1. Алма-Атинская декларация 21 декабря 1991 г. // Кодекс. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900101> (Дата обращения: 06.01.2019.)
2. Гущин А.В. Западный фланг постсоветского пространства в 2018 г. Итоги и перспективы // Портал РСМД. URL: <http://russiancouncil.ru/2019-easterneurope> (Дата обращения: 08.01.2019.)
3. Девятков А. Южный Кавказ: Дилемма стабильности и перемен. Глобальный прогноз 2019–2024. Портал РСМД // URL: <http://russiancouncil.ru/2019-caucasus> (Дата обращения: 08.01.2019.)
4. Князев А. Живы будем – не помрем: прогнозы – дело неблагодарное // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7pC3u7bkEew> (Дата обращения: 10.01.2019.)

5. Колесников А., Дубнов А., Искандарян А. Конец постсоветского пространства // Портал Московского центра Карнеги. 2017. 2 февр. URL: <http://carnegie.ru/2017/02/02/ru-event-5502> (Дата обращения: 10.01.2019.)
6. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // Портал МИД РФ. URL: www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (Дата обращения: 07.01.2019.)
7. Маркедонов С. «Прощание с “постсоветским пространством”»? // Портал РСМД. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/proshchanie-s-postsovetskim-prostranstvom/> (Дата обращения: 29.12.2018.)
8. Пивовар Е.И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк. СПб.: Алетейя, 2009. 400 с.
9. Празуаскас А.А. СНГ как постколониальное пространство // Независимая газета. 1992. 7 февр. С. 5.
10. СНГ перед лицом новых вызовов и угроз: уроки прошлого и взгляд в будущее // Россия сегодня. 2016. 24 мая. URL: <http://pressmia.ru/pressclub/20160524/950985211.html> (Дата обращения: 10.01.2019.)
11. Смирнов С. Казахстан: новая волна эмиграции? // Ритм Евразии. 2018. 17 сент. URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2018-09-17--kazakhstan-novaja-volna-emigracii-38556> (Дата обращения: 30.12.2018.)
12. Тренин Д. «Россия и страны СНГ: “взросление” отношений» // Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее: хрестоматия. М.: НП РСМД, 2017. С. 7–9.
13. Gabuev A. Russian – US flashpoints in the postsoviet space: The view from Moscow // Carnegie Moscow Center. URL: <http://carnegie.ru/publications/75631> (Дата обращения: 09.01.2019.)

References

- Alma-Atinskaya deklaraciya 21 December 1991 g. // Kodeks. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900101> (Data obrashhenija: 06.01.2019.)
- Devyatkov A. Yuzhny'j Kavkaz: Dilemma stabil'nosti i peremen. Global'ny'j prognoz 2019–2024. Portal RSMD // URL: <http://russiancouncil.ru/2019-caucasus> (Data obrashhenija: 08.01.2019.)
- Gabuev A. Russian – US flashpoints in the postsoviet space: The view from Moscow // Carnegie Moscow Center. URL: <http://carnegie.ru/publications/75631> (Data obrashhenija: 09.01.2019.)
- Gushhin A.V. Zapadny'j flang postsovetskogo prostranstva v 2018 y. Itogi i perspektivy` // Portal RSMD. URL: <http://russiancouncil.ru/2019-easterneurope> (Data obrashhenija: 08.01.2019.)
- Knyazev A. Zhivy` budem – ne pomrem: prognozy` – delo neblagodarnoe // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7pC3u7bkEcw> (Data obrashhenija: 10.01.2019.)
- Kolesnikov A., Dubnov A., Iskandaryan A. Konecz postsovetskogo prostranstva // Portal Moskovskogo centra Karnegi. 2017. Feb. 02. URL: <http://carnegie.ru/2017/02/02/ru-event-5502> (Data obrashhenija: 10.01.2019.)
- Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdjena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putiny`m 30 November 2016 g.) // Portal MID RF. URL: www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (Data obrashhenija: 07.01.2019.)
- Markedonov S. «Proshhanie s “postsovetskim prostranstvom”»? // Portal RSMD. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/proshchanie-s-postsovetskim-prostranstvom/> (Data obrashhenija: 29.12.2018.)

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Pivovarov E.I. Postsovetskoe prostranstvo: al'ternativy` integracii. Istoricheskij ocherk. Saint Petersburg: Aletejya, 2009. 400 p.

Prazauskas A.A. SNG kak postkolonial`noe prostranstvo // Nezavisimaya gazeta. 1992. Feb. 7. P. 5.

SNG pered liczom novy`x vy`zovov i ugroz: uroki proshlogo i vzglyad v budushhee // Rossiya segodnya. 2016. May 24. URL: <http://pressmia.ru/pressclub/20160524/950985211.html> (Data obrashhenija: 10.01.2019.)

Smirnov S. Kazaxstan: novaya volna e`migracii? // Ritm Evrazii. 2018. Sept. 17. URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2018-09-17--kazakhstan-novaja-volna-emigracii-38556> (Data obrashhenija: 30.12.2018.)

Trenin D. «Rossiya i strany` SNG: “vzroslenie” otnoshenij» // E`voljucija postsovetskogo prostranstva: proshloe, nastoyashhee, budushhee: xrestomatiya. Moscow: NP RSMD, 2017. P. 7–9.